

С. Д. Бодрунов¹, Р. С. Гринберг², Д. Е. Сорокин³

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ИМПЕРАТИВЫ, ПОТЕНЦИАЛ, РИСКИ⁴

Социально-экономическая стратегия и промышленная политика

Основой стабильности государства является устойчивый экономический рост, способный обеспечить его защиту от внешних угроз и достойные условия жизнедеятельности для большинства граждан. Для России в силу целого ряда исторически сложившихся геополитических обстоятельств выполнение этого требования означает сохранение статуса одного из мировых полюсов влияния. Утрата такого статуса неизбежно ставит под вопрос само существование страны в ее современных границах. Об этом российские обществоведы писали в позапрошлом столетии,^[1] такого же мнения придерживается и main stream современной российской политической экономии^[2].

Данным обстоятельством определялась политика государства со времен царствования Петра I и Екатерины II до советского периода с его установкой «догнать и перегнать». В современной России, по крайней мере на вербальном уровне, формулируются те же задачи. Уже при первой попытке создания долгосрочной стратегии социально-экономического развития для новой России, предпринятой в 2000 г., в качестве целевой установки было определено: «В среднесрочной перспективе... предотвратить дальнейшее увеличение разрыва между Россией и развитыми странами, а в долгосрочной перспективе — восстановить и упрочить позиции России как одной из стран-лидеров мирового развития»^[3].

Этот тезис был развит в Послании Президента России Федеральному собранию РФ (2003 г.), в котором говорилось о необходимости «... все наши решения, все наши действия подчинить тому, чтобы уже в обозримом будущем Россия прочно заняла место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира... Весь наш исторический опыт свидетельствует: такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны — политического или экономического — «перед Россией всегда и неотвратимо вставала угроза распада».

---

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития (ИНИР), д-р экон. наук, профессор.

² Руслан Семенович Гринберг, директор Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор, член-корр. РАН.

³ Дмитрий Евгеньевич Сорокин, зам. директора Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор, член-корр. РАН.

⁴ Данный научный доклад подготовлен на основе Проекта «Реиндустриализация экономики России — возможности и ограничения», разработанного Рабочей группой Института нового индустриального развития (ИНИР) и Института экономики РАН; руководители Проекта — С. Д. Бодрунов и Р. С. Гринберг; руководитель Рабочей группы — Д. Е. Сорокин, члены группы: д-р экон. наук А. И. Амосов, д-р экон. наук С. М. Белозерова, канд. экон. наук Д. Л. Драндин, канд. экон. наук А. А. Золотарев, д-р экон. наук А. Е. Карлик, канд. экон. наук Е. А. Иванов, д-р экон. наук В. А. Плотников, д-р экон. наук В. П. Оболенский, д-р техн. наук П. Г. Редько, д-р экон. наук В. К. Сенчагов, д-р экон. наук И. В. Соболева, д-р экон. наук О. С. Сухарев, д-р экон. наук Е. А. Ткаченко, канд. экон. наук В. И. Филатов и канд. экон. наук В. П. Шуйский.

Научный доклад был обсужден на заседании Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 28 марта 2013 года.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 г.^[4] в качестве стратегической цели определено превращение России в одного из глобальных лидеров мировой экономики.

О достижении этой цели можно говорить, когда будут сопоставимы технологические уровни экономики России и стран — лидеров современного мира. Исследования, проведенные научными коллективами РАН^[5], показали что экономики стран-лидеров опираются на пятый технологический уклад и начинают переход к шестому, а экономика России в основном находится в четвертом технологическом укладе с элементами пятого. Отсюда был сделан вывод о необходимости завершения перехода к пятому технологическому укладу с одновременным занятием ряда «ниш» в шестом.

Спецификой пятого и шестого технологических укладов является практическое применение фундаментального научного знания. Появилось даже понятие «экономика, основанная на знании» («*knowledge-based economy*»). С экономической точки зрения это значит, что все большую долю в добавленной стоимости занимает научное знание. Отсюда вхождение в обиход термина «инновация», означающего не просто новшество, а новшество, созданное путем прикладного освоения научного знания^[6].

Таким образом, инновационная модель экономического роста предполагает способность не только производить новые знания, воплощенные в новые технологии, но и эффективно внедрять последние в производство, используя соответствующие виды новой техники. Естественно, для производства оборудования, востребованного другими секторами экономики^[7], нужна развитая промышленная база. Не случайно в инновационной экономике лидируют страны с развитым промышленным потенциалом, прежде всего с современным машино- и приборостроением. Эти отрасли выступают ядром национальных инновационных систем: с одной стороны, они формируют устойчивый спрос на технологические инновации, а с другой — содействуют их практическому освоению в производственных процессах.

При этом собственно производство продукции конечного потребительского и даже инвестиционного спроса с использованием новых технологий и технических средств может выноситься за пределы национальных территорий (производственный аутсорсинг). Владельцами технологических знаний и производителями соответствующих видов новой техники, а следовательно, и получателями инновационной ренты остаются компании — инновационные лидеры. В «постиндустриальной экономике» не отрицается роль индустриальной базы как таковой, а предлагаются новые условия для ее развития и поддержания конкурентоспособности. В таких условиях не только масштабы промышленного потенциала, но и его способность к перманентному технологическому обновлению начинают играть первостепенную роль в поддержании конкурентоспособности и развития как конкретного бизнеса, так и национальной экономики в целом.

Словом, *суть модернизации российской экономики заключается в обновлении ее промышленности на качественно новой технологической основе.*

Опыт стран — технологических лидеров — показывает, что переход к пятому, а тем более — шестому технологическому укладу невозможен без проведения активной государственной промышленной политики в инновационно-инвестиционной и институциональной областях^[8]. Для российской экономики в сложившихся условиях это требование становится безусловным императивом. Именно на него нацелена подготовленная Минпромторгом России Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года»^[9].

Настоящий доклад также предполагает определение в первую очередь ключевых ориентиров реализации современной промышленной политики Российской Федерации, приоритетными направлениями которой должны выступать:

- реиндустриализация на новой технологической основе ведущих секторов российской экономики как необходимое условие обеспечения динамичного и устойчивого экономического роста;

- динамичное наращивание конкурентных преимуществ в отраслях перспективного технологического уклада и постепенный переход экономики на инновационный путь развития.

Отмеченные магистральные направления должны представлять собой целостную систему принятия и реализации государственных решений.

Реиндустриализация — основная задача современной промышленной политики

Существенная особенность российской экономики состоит в том, что технологическая реиндустриализация в стране должна происходить в условиях, когда еще не восстановлен промышленный научно-технологический потенциал, больше чем наполовину разрушенный в ходе системного кризиса 1990-х гг. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика восстановления промышленного производства*
(1991 г. = 100%)

Годы	1998	2008	2009	2012	2015 (прогноз)
ВВП	60,5	117,8	108,6	122,1	138,2
Промышленность в целом					
В том числе:					
добыча полезных ископаемых	48,2	85,4	77,5	90,0	101,3
обрабатывающие производства	167,2	105,6	104,9	112,0	113,6
	40,7	82,9	70,3	87,1	101,4

* Здесь и далее, если не указано иное, использованы данные Росстата, Минэкономразвития России, Минфина России, Банка России.

Из приведенных данных следует, что сырьевой перекоп российской экономики вызван отнюдь не «переразвитием» соответствующего сектора. Этот сектор формирует важное конкурентное преимущество нашей экономики и в обозримом будущем продолжит играть роль ее фундамента и потенциала развития. Более того, как показывают исследования, проведенные в Сибирском отделении РАН, наличие в стране сырьевых, а также ресурсо- и энергоемких отраслей промышленности (металлургия, химия и нефтехимия и т.п.) снижает эффективность использования энергии независимо от прогрессивности общей экономической структуры (в США, Канаде и Великобритании эти показатели хуже, чем в высокоразвитых странах, где доля указанных отраслей не столь значительна). Если нет возможности их вывоза за пределы собственной территории (как это сделала Япония), то для обеспечения устойчивого экономического роста одновременно с увеличением эффективности производства и потребления энергии следует наращивать объемы ее использования^[10].

Проблема не в гипертрофированных масштабах сырьевого сектора, а в недоразвитости перерабатывающих отраслей. В ходе кризиса 1990-х гг. спад в перерабатывающем секторе был гораздо более существенным, чем в добывающем. Несмотря на последующий рост, к 2008 г. отставание перерабатывающих производств составляло 17% по сравнению с 1998 г. и еще больше увеличилось во время кризиса 2009 г. По итогам 2012 г. выпуск продукции обрабатывающих отраслей в стране был на 13% меньше, чем в 1991 г. Уже один этот факт свидетельствует о сохраняющемся отставании промышленного производства в целом. Восстановление общего объема

производства в обрабатывающих отраслях (как и промышленности в целом) прогнозируется Минэкономразвития России только к 2015 г. (см. табл. 1).

В свою очередь, состояние перерабатывающего сектора зависит от уровня развития машиностроения, определяющего развитость промышленности в целом. Машиностроение *служит ядром* развития многих других секторов хозяйства, включая электронную промышленность, которая обеспечивает функционирование так называемой информационной экономики.

Нынешнее состояние машиностроения характеризуется глубоким спадом производства: по итогам 2012 г. объем производства машиностроительной продукции составил чуть более половины от уровня 1991 г., а к 2015 г., согласно прогнозу Минэкономразвития России, не превзойдет двух третей от объема 1991 г. По отдельным видам машиностроительной продукции этот спад беспрецедентен (табл. 2).

Таблица 2

Динамика выпуска отдельных видов продукции машиностроения

Годы	1990	2011
Турбины, млн кВт	12,5	6, 8
Тракторы на колесном ходу, тыс. шт.	77,8	12, 7
« на гусеничном ходу, тыс. шт.	63, 8	1,72
Комбайны зерноуборочные, тыс. шт.	65,7	6, 2
« кормоуборочные, тыс. шт.	10,1	0, 286
Доильные установки, тыс. шт.	30,7	2,6
Прядильные машины, шт.	1509	27
Ткацкие станки, шт.	18300	9
Автомобили грузовые, тыс. шт.	665	207

Сегодня по доле машиностроения в структуре обрабатывающих производств российской экономика далеко отстает от основных конкурентов (табл. 3).

Таблица 3

Доля производства машин и оборудования* в структуре обрабатывающих производств

Страна	Год	Доля машин и оборудования, %
Россия**	2011	21,5
США	2007	32,5
Германия	2008	42,8
Великобритания	2007	29,8
Франция	2008	27,9

Страна	Год	Доля машин и оборудования, %
Япония	2007	44,4
Бразилия	2007	26,9
Китай	2009	33,6

* Включая производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования.

** По показателю «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами».

Результатом отставания машиностроительных отраслей стал «сырьевой сдвиг» в структуре российской промышленности (рис. 1).

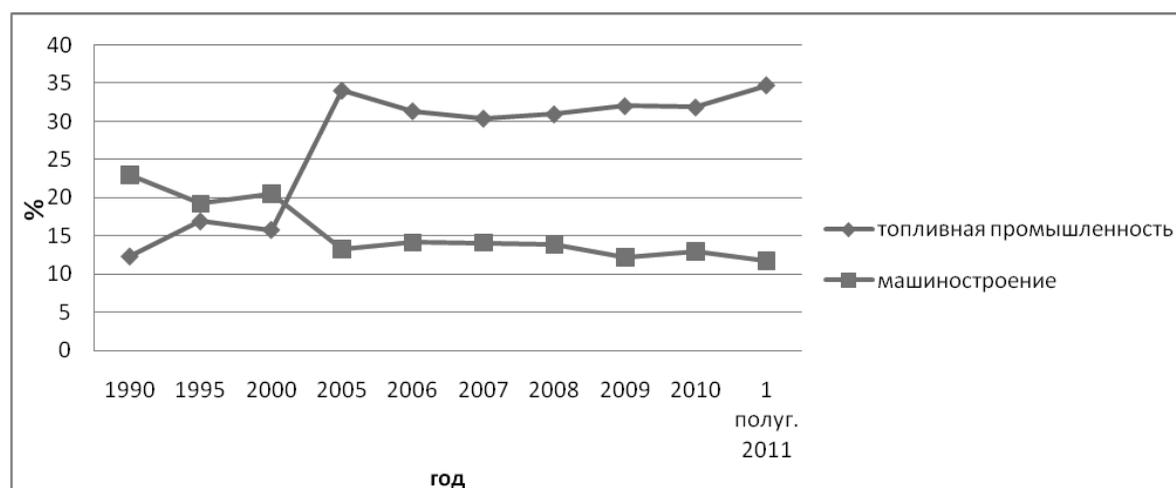

Рис. 1. Динамика доли топливной промышленности и машиностроения в общем объеме промышленного производства

При этом спад отечественного машиностроения произошел прежде всего за счет стремительного сокращения производства в станкостроительных отраслях (табл. 4).

Таблица 4

Динамика производства по видам экономической деятельности в промышленности, % (1991 г. = 100%)

Годы	Факт				Прогноз	
	1998	2008	2009	2012	2015	2020
Производство машин и оборудования						
В том числе:	38,1*	63,3	43,4	53,5	66,8	
металлорежущие станки	11,2	7,2	2,8	5,1	7,7	9,6**

Годы	Факт				Прогноз	
	1998	2008	2009	2012	2015	2020
кузнечно-прессовые машины	5,4	11,5	5,3	8,3	8,2**	11,3**

* 1995 г.

** Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года»/Минпромторг России, 2013.

Станкостроение, где производство сократилось к 1998 г. на порядок по сравнению с 1991 г. (в том числе станков с ЧПУ — до 3,4%), так и не оправилось от понесенных потерь. Характерно, что производство металлорежущих станков продолжало сокращаться и в ходе восстановительного роста 2000-х гг. Число металлорежущих станков высокой и особо высокой точности сократилось до 1,5% к уровню 1995 г.; отрасль была, по существу, добита кризисом 2009 г.

И хотя в последующие годы здесь наметился некоторый рост, в соответствии с прогнозом Минпрома России объем производства металлорежущих станков даже к 2020 г. не достигнет уровня кризисного 1998 г. Что касается выпуска кузнечно-прессовых машин, то, согласно прогнозам, даже к 2020 г. он окажется почти на порядок ниже, чем в 1991 г.

В результате по производству металлорежущих станков сегодняшняя Россия далеко отстает от стран-конкурентов (табл. 5).

Таблица 5

Производство металлорежущих станков, шт.

Тип станков	Сверлильные и фрезерные			Токарные*		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Россия	2826	2408	811	1360	1412	515
Германия	15721	45370		6574	23342	
США**	9246	8139		6210	7416	
Япония	16544	14311		27761	26998	6691
Бразилия	9127	11799		13344	5429	

* Автоматические и неавтоматические.

** Отгрузка (исключая станки стоимостью до 3025 долларов).

Отставание станкостроения неизбежно влечет за собой физическое и моральное старение производственной технологической базы (табл. 6).

Таблица 6

Возрастные характеристики производственного оборудования

Сектор экономики	Технологическое оборудование	
	Возраст	Доля, %
Реальный сектор	16...35 лет	~ 80%
Машиностроение	> 25 лет	> 50%

Как известно, СССР входил в число мировых лидеров в станкостроении. Сейчас отечественное станкостроение занимается в основном ремонтом и модернизацией старых станков и почти не производит новое оборудование. При этом речь уже не идет о простой замене износившегося парка станков. Необходимо как можно быстрее начать обеспечение машиностроительных производств наукоемким металлообрабатывающим оборудованием с использованием компьютерных программ. В противном случае нам придется столкнуться с невозможностью производства конкурентоспособной продукции (в том числе по оборонному заказу [11]) и с ростом технологической зависимости народного хозяйства от импорта машиностроительной продукции.

Начиная с 2002 г. импорт металлообрабатывающего оборудования превышает его внутреннее производство. По оценке «Станкоимпорта», ежегодный объем продаж станков в России составляет 1...1,5 млрд. долларов, причем доля отечественных — не более 1%. К тому же в силу причин геополитического порядка закупки Россией наиболее эффективной и современной станкостроительной продукции и технологий сильно ограничены. Широко известны проблемы «отверточной» сборки импортных компонентов в автомобилестроении. Отечественные судостроительные заводы строят корпуса судов и продают их на комплектование в Голландию; авиапром вынужден импортировать авионику и т. д. По многим видам машин и оборудования предприятия целиком перешли на импортные закупки.

Сложившаяся ситуация неизбежно ведет к сохранению зависимости социально-экономического развития страны от мировой конъюнктуры на энергосырьевые товары (табл. 7).

Таблица 7

Доля нефтегазовых доходов в общем объеме доходов федерального бюджета, %

Годы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Факт	42,2	46,9	37,2	47,3	40,7	46,1	49,6				
Прогноз-2011							49,3	47,3	44,4	43,5	
Прогноз-2012								50,5*	46,1	44,6	44,4

* Оценка.

В основных направлениях деятельности Правительства до 2018 г. отмечается, что «нефтегазовый дефицит» сегодня составляет 10,5 процента валового внутреннего продукта, при том что безопасный его уровень оценивается вдвое ниже. В то же время его сокращение приведет к сдерживанию государственного спроса и будет способствовать замедлению экономического роста».

Важно отметить, что из-за отставания машиностроительных отраслей Россия, являясь одним из ведущих производителей энергоресурсов в мире, далека от лидерства в сфере производства передового технологического оборудования для разведки, добычи и переработки нефтегазовых ресурсов, а также других сырьевых товаров. Страна демонстрирует довольно низкие по сравнению с ведущими экономиками технико-экономические показатели работы ТЭК.

Вследствие деградации обрабатывающего сектора российская экономика все чаще исполняет роль поставщика сырья для мирового хозяйства (табл. 8).

Таблица 8

Товарная структура экспорта из Российской Федерации, %

Годы	2000	2005	2011
Минеральные продукты	53,8	64,8	71,1
Машины, оборудование и транспортные средства	8,8	5,6	5,0

В связи с этим учащаются прогнозы, согласно которым России грозит участь энергосырьевого придатка глобальной экономики. Однако таким придатком может стать лишь часть нынешней территории страны, но не нынешнее российское государство. Российская Федерация в силу целого ряда геополитических и экономических обстоятельств в случае реализации этих прогнозов *может превратиться* из субъекта мировых отношений в их объект с соответствующими последствиями для своей государственности^[12].

Чтобы предотвратить такое развитие событий, необходимо инициировать и проводить комплексную систематическую промышленную политику. Причем сегодня речь должна идти не просто о модернизации экономики, а о восстановлении на новой технологической основе тех производств, утрата которых чревата быстрым отставанием от стран-лидеров и *закреплением* режима зависимого индустриально-технологического развития. *Суть реиндустриализации российской экономики заключается в проектировании и развертывании внутренних индустриально-технологических цепей, выпускающих готовые изделия как сугубо промышленного, так и потребительского назначения.*

Несмотря на очевидные потери в научно-техническом и научно-технологическом потенциале, Россия, по авторитетным оценкам, все еще способна не только преодолеть деградацию, но и решить задачу *модернизации*. *В этой связи нельзя согласиться с распространенным мнением*, что наша страна настолько отстала в сфере машиностроения, что ей выгоднее покупать продукцию за рубежом, чем разрабатывать технологии для достижения аналогичного или более высокого качества. Из 50...55 макротехнологий, составляющих базу пятого технологического уклада, Россия обладает семнадцатью (в том числе ядерными, космическими, авиационными, отдельными сегментами нано- и биотехнологий, а также в нефтегазодобыче и переработке, производстве некоторых видов оружия, химическом, энергетическом, транспортном машиностроении)^[13]. При этом не следует забывать, что изделия, имеющиеся на рынке, — это всегда вчерашний день научно-технической мысли, а опора на импорт в создании собственной технологической базы неизбежно *закрепляет* технологическое отставание от стран-лидеров, не говоря уже о технологической зависимости^[14].

Оценивая трудности масштабной реиндустриализации, следует помнить, что наш собственный опыт в XX в. указывает на возможность осуществления подобных мегапроектов в условиях разрушенной машиностроительной базы^[15]. Напомним, что Япония и ФРГ в 1950-е гг., Китай — в 1980–1990-е гг. сумели довольно быстро восстановить (Китай — создать) собственное машиностроение и стали ведущими (Япония, ФРГ) или, по крайней мере, очень значимыми (Китай) индустриальными державами.

Определяя приоритеты реиндустриализации, надо помнить, что для восстановления статуса России в качестве одного из «полюсов влияния» современного мира необходимо создать комплексную промышленную базу современного технологического уровня. При этом специфика геополитического положения страны предопределяет необходимость

самодостаточности многих отраслей, даже если чисто экономически здесь выгоднее использовать возможности международного разделения труда.

С учетом сказанного безусловным приоритетом политики реиндустриализации должно стать формирование «ядра саморазвития» — набора производств для изготовления орудий труда, позволяющих создавать технологически совершенное оборудование для ключевых с точки зрения безопасности отраслей (в том числе военной). Не менее важно, чтобы набор таких производств мог самовоспроизводиться. Об этом говорит опыт таких стран, как США, Япония и Германия, где указанные отрасли импортонезависимы. *По тому же пути идут государства, которые претендуют на роль «полюсов влияния».*

В этой связи следует поддержать положение Государственной программы развития промышленности, определяющей в качестве приоритетной цели развития станкостроения «создание категорий импортозамещающих средств машиностроительного производства, которые относятся к технологиям двойного назначения и наиболее востребованы стратегическими организациями машиностроительного и оборонно-промышленного комплексов». Такой комплекс *необходим России (даже если он будет недостаточно эффективным с точки зрения сравнительных конкурентных преимуществ)* прежде всего для сохранения вооруженных сил, оснащенных конкурентоспособными в военном отношении системами вооружений, способными обеспечить защиту геополитико-экономических интересов России по всему миру. Здесь абсолютно противопоказан расчет на импортные поставки и требуется развитие собственной производственной базы^[16].

С учетом сказанного вызывает озабоченность положение о том, что в реализации подпрограммы «Станкоинструментальная промышленность» «непосредственное участие государственных корпораций, акционерных обществ с государственным участием и иных юридических лиц (общественных и научных организаций, а также государственных внебюджетных фондов) не предусмотрено».

Сомнительна и содержащаяся в упомянутой программе оценка достаточности доли отечественного станкостроения на внутреннем рынке. Например, по металлорежущим станкам она должна к 2020 г. увеличиться вдвое по отношению к 2011 г., что составит всего 12%. Рост производства кузнечно-прессовых машин также практически не намечается: в 2011 г. — 6,7%, в 2020 г. — 7%^[17].

Кадровый потенциал реиндустриализации

Важнейший фактор достижения целей реиндустриализации — кадровый потенциал. Оценивать последний следует по двум направлениям:

- профессионально-квалификационный и социально-демографический портрет задействованных в промышленности кадров, возможности переподготовки и повышения квалификации;
- проблемы и перспективы подготовки новых кадров для промышленности.

Отток специалистов (особенно активного возраста) из промышленности практически на протяжении всего прошедшего периода продолжается до сих пор (табл. 9).

Таблица 9

Сокращение среднесписочной численности, занятых в экономике и промышленности

Годы	1990	1995	2007	2009
Среднесписочная численность занятых в экономике, млн чел.	75,3	66,4	68,0	67,3

Годы	1990	1995	2007	2009
В том числе в промышленности	22,8	17,2	14,3	13,3
Удельный вес занятых в промышленности в общей численности занятых в экономике, %	30,3	25,9	21,0	19,7

Результат — старение кадров в промышленности и рост числа «незаполняемых» вакансий. На протяжении всего постсоветского периода число занятых увеличивалось лишь в добывающих отраслях, энергетике и черной металлургии, в то время как численность производственного персонала в машиностроении обвальнo сокращалась. За весь период реформ (1990–2012 гг.) число занятых здесь сократилось почти на 90%: к августу 2012 г. на предприятиях отрасли осталась 851 тыс. человек, в то время как до начала реформ (1990 г.) в российском машиностроении было занято около 10 млн. трудящихся (9652 тыс. человек).

Даже на относительно успешных предприятиях проблема старения кадров приобретает особую остроту. В сущности, речь идет о так называемой демографической яме, т.е. об отсутствии квалифицированного и надежного ядра работников среднего возраста. Такое ядро (там, где оно сохранилось) составляют работники старших возрастов, по мере сил обучающие молодых^[18]. Менее успешные предприятия, обладающие низкой конкурентоспособностью на рынке труда, испытывают острый кадровый голод.

В последние годы стратегический дефицит трудовых ресурсов усугубляется высвобождением рабочей силы в связи с временным кризисным сокращением спроса на труд, реструктуризацией производств и внедрением роботизированных технологий. Не случайно в Стратегии развития промышленности в сфере станкостроения выделяются «риски, связанные с несоответствием квалификации персонала потребностям, необходимым для реализации мероприятий Подпрограммы, а также физическим отсутствием квалифицированной рабочей силы на предприятиях отрасли».

Среди кадровых причин, препятствующих восстановлению отечественного машиностроения и металлообработки на новой технологической основе, необходимо выделить:

- несогласованность интересов работодателей, работников и государства при проведении модернизации;
- утрата кадров активного рабочего возраста, старение рабочей силы, ее неспособность к переобучению;
- снижение мотивации молодых кадров к работе в промышленном производстве;
- низкая оплата труда на действующих производствах и недооценка сложностей труда при переходе к новым технологиям;
- недостаточные доплаты за выполнение новых функций и низкий уровень компенсационных выплат за нестандартные условия труда;
- отсутствие подготовки специалистов для работы на новом оборудовании в промышленном производстве;
- разрушение системы подготовки и переподготовки специалистов, преподавателей высших учебных заведений;
- недоучет при разработке учебных программ радикальных изменений в технологиях современного производства, достигнутых в развитых странах.

Обеспечение предприятий специалистами невозможно без восстановления системы подготовки кадров, включая послевузовскую, ориентированную на применяе-

мые технологии, и создание системы переподготовки преподавателей вузов с участием специалистов предприятий, использующих новые технологии и программные продукты.

Сегодня сотрудники кадровых подразделений промышленных предприятий в один голос заявляют, что существующая система образования не готовит в нужном количестве (а часто не готовит вообще) необходимых им специалистов. Поэтому вновь нанимаемых работников, у которых нет опыта работы на аналогичном производстве, приходится переучивать или доучивать самостоятельно. Вместе с тем признается, что распространение «всеобщего высшего образования», частично компенсируя провалы школьного образования, создает неплохую основу для последующего освоения современных рабочих профессий.

Как бы то ни было, успех реиндустриализации отечественной экономики будет в значительной степени определяться качеством кадровой политики как государства, так и корпораций. Финансовые методы государственного регулирования должны сочетаться с затратами предприятий на подготовку и переподготовку специалистов.

Между тем работодатели, крайне недовольные государственными «усилиями» в области подготовки кадров, также не проявляют высокой активности в обучении работников. Согласно данным Росстата, доля расходов на внутрифирменное обучение в совокупных затратах на рабочую силу на протяжении двух последних десятилетий удерживалась на катастрофически низком уровне – 0,3...0,4%. По результатам ежегодного исследования эффективности управления персоналом, проводимого Pricewaterhouse Coopers и охватывающего только крупные и успешные компании как наиболее благополучный сегмент российского рынка труда, в России соответствующие затраты примерно вдвое ниже, чем в странах ЕС.

Обостряющаяся рассогласованность между профессиональным образованием и потребностями промышленных предприятий заставляет работодателей, которые сегодня «дошли до края»^[19], активизироваться. Сегодня они (по крайней мере, на уровне инициатив РСПП и «Деловой России») готовы сотрудничать с государственными структурами на всех этапах реформирования упомянутой системы: от разработки образовательных и профессиональных стандартов до предоставления университетам дополнительного финансирования, оборудования учебных классов, лабораторий и мастерских, корпоративных методик модульного обучения, по которым сегодня происходит «доводка» выпускников вузов на рабочих местах, и личного участия в учебном процессе. Видимо, государство должно проявить активность в развитии государственно-частного партнерства при подготовке кадров, способных осуществить реиндустриализацию российской экономики.

При этом следует иметь в виду, что новые технологические уклады требуют новых подходов к формированию кадрового потенциала, становящегося решающим фактором устойчивого долгосрочного развития страны. Современная технологическая база нуждается не *просто в высококвалифицированных, а в творческих (креативных) работниках*. Такие работники предъявляют соответствующие требования к качеству жизни, удовлетворение которых предполагает динамичное развитие образования, культуры, здравоохранения, а также улучшение материальных условий. На этом фоне анахронизмом выглядят призывы «затянуть пояса» ради блага следующих поколений. Люди с «затянутыми поясами» не могут *быть ни источниками, ни проводниками инноваций*.

Без развития отраслей, обеспечивающих воспроизводство национального человеческого *потенциала, соответствующего* задачам нового индустриального развития, неизбежно нарастание не только экономических, но и социально-политических диспропорций, чреватых хозяйственной стагнацией и социальными конфликтами.

Организационные механизмы политики реиндустриализации

Сегодня в России растет понимание необходимости широкомасштабной модернизации экономики как главного условия ее устойчивого роста, и при этом все очевиднее становится неспособность реально осуществить такую модернизацию. Отечественная экономика не смогла обеспечить возросший внутренний спрос за счет увеличения инвестиционной активности и оказалась в структурно-институциональной «ловушке». Основная причина сложившейся ситуации — отсутствие целеполагания в экономической политике, т.е. целостной картины перспективной структуры российской экономики и, как следствие, «локомотивных» проектов модернизации ее основных секторов.

Характерно, что в новой редакции «Стратегии-2020» нет ни одного упоминания о приоритетных направлениях промышленного развития страны. По-видимому, это следствие того, что в российском правительстве до сих пор отсутствует реалистичное представление о содержании промышленной политики. Министерства экономического блока, похоже, практикуют старый радикал-либеральный подход, в соответствии с которым государство должно проявлять активность только в отношении развития транспортной инфраструктуры, а участие в реализации проектов по модернизации и диверсификации собственно промышленного потенциала минимизировать. Не случайно в «Концепции-2020» приоритеты отдаются формированию общей институциональной среды, а не содержанию и методам активной промышленной политики. Не представлено там и конкретное видение долгосрочных направлений трансформации отечественного машиностроения в разрезе важнейших отраслевых комплексов.

В результате в стране так и не сложилась система формирования независимой оценки приоритетных направлений диверсификации промышленного потенциала страны и отбора приоритетных проектов для государственной поддержки. Сохраняется нечеткое распределение функций между Министерством промышленности и торговли, которое занимается разработкой концепций и программ развития отдельных секторов промышленности, и Министерством экономического развития, в чьем ведении находятся формирование инвестиционной составляющей бюджета и отбор целевых программ развития, т.е. формирование экономических условий для их реализации.

Не упрощает ситуацию и присоединение России к ВТО. Переговоры о вступлении в эту организацию, которые продолжались 18 лет, не были скоординированы с задачами и приоритетами структурной и технологической модернизации национальной промышленности и экономики в целом. В результате Россия оказалась в ВТО с неструктурированной и неконкурентоспособной промышленностью. Для поддержания различных секторов отечественной промышленности правительство было вынуждено в спешном порядке разрабатывать специальные программы, эффективность которых сомнительна с учетом менее благоприятных воспроизводственных условий для российской обрабатывающей промышленности. Вступление в ВТО усиливает конкурентные вызовы для отечественных производителей, но не открывает больших дополнительных возможностей для роста их конкурентоспособности. Наибольшую выгоду от членства в ВТО получают страны с высококонкурентной обрабатывающей промышленностью, для которых в рамках этой организации формируется более благоприятный экспортный режим.

Эффективность промышленной политики определяется качеством государственных институтов и процедур формирования и реализации такой политики, которое в нашей стране остается низким. Отсутствует эффективная система разработки концептуальных документов, определяющих перспективы развития основных секторов национальной экономики и промышленности. Отраслевые концепции с опозданием

и не в полном формате разработаны лишь для узкого круга отраслей и не доведены до уровня долгосрочных программ модернизации и развития важнейших отраслевых комплексов, а также слабо взаимообусловлены.

Как следствие, отсутствуют правила выбора и оценки системообразующих проектов для модернизации и развития таких комплексов. Все эти работы не носят системного характера, не взаимосвязаны на межотраслевом уровне по ресурсам и со среднесрочным циклом бюджетного планирования. В результате пока не создана прозрачная и понятная система разработки технологического обеспечения развития важнейших отраслей промышленности — не ясно, кем и как формируются технологические приоритеты развития (критические технологии), какую экспертизу проходили, как они увязаны с перспективами развития соответствующих отраслей национальной промышленности и экономики. Складывается впечатление, что все разрозненные элементы промышленной и технологической политики являются результатом лоббирования заинтересованных хозяйственных структур и служат в основном инструментом доступа к средствам федерального бюджета.

Непрозрачность российского бизнеса в отношении реальных собственников и условий формирования реальных издержек и прибыли осложняет выстраивание эффективных взаимоотношений государства и бизнеса по финансированию приоритетных проектов развития.

Отмечая невысокий качественный уровень отечественных институтов государственного управления, напомним, что современные российские институты формировались в условиях демонтажа советской плановой системы, «первоначального накопления капитала» и обвального сокращения государственного участия в экономике. Эти обстоятельства в значительной степени определяют как ментальность многих госслужащих, так и их нынешний профессиональный уровень.

Для нас очевидно, что эффективность госаппарата не может повышаться ни сама по себе, ни в результате специальных кампаний по «очищению и улучшению». Реального улучшения качества государственных институтов можно ждать, только когда начнет трансформироваться характер решаемых задач, а созидательные функции будут превалировать над разрешительно-распределительными.

Формирование политики реиндустриализации предполагает решение трех задач:

- определение приоритетных направлений реиндустриализации;
- разработка алгоритмов реализации принятых приоритетов;
- включение механизмов концентрации ресурсов на приоритетных направлениях, обеспечивающих достижение намеченных целей.

Определение приоритетных направлений реиндустриализации требует совместной экспертной работы специалистов разных отраслей знания. За последние годы эти приоритеты неоднократно менялись (табл. 10).

Таблица 10

Изменение приоритетных направлений развития науки и техники

Приоритетные направления	1996	2002	2006	2009	Направления технологического прорыва
Фундаментальные исследования	+	-	-	-	-
Информационно-телекоммуникационные технологии	+	+	+	+	+

Приоритетные направления	1996	2002	2006	2009	Направления технологического прорыва
Производственные технологии	+	+	-	-	-
Новые материалы и химические технологии	+	+	-	-	-
Живые системы, медицина (наука о жизни)	+	+	+	+	+
Транспортные технологии	+	+	-	+	-
Энергетика и энергосбережение	+	+	+	+	+
Экология и рациональное природопользование	+	+	+	+	-
Космические технологии и системы	-	+	-	+	+
Индустрия наносистем	-	-	+	+	+
Оборонно-промышленный комплекс, ядерные технологии	-	+	+	+	+
Безопасность и противодействие терроризму	-	-	+	+	-

Источники: Основные направления государственной научно-технической политики на среднесрочный и долгосрочный период: доклад Министерства промышленности и науки РФ. — М., 2000 (в соответствии с поручением Правительства РФ от 27.10.2000 г. (ИК-П 829 269); Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации (Пр-843 от 21.05.2006 г.) и Перечень критических технологий Российской Федерации (Пр-844 от 21.05.2006 г.); Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в РФ (Указ Президента РФ № 899 от 7.07.2011 г.).

Поскольку современная экономика характеризуется высокой динамикой используемых технологий, корректировка приоритетов, безусловно, необходима. Однако столь частая их смена свидетельствует об отсутствии целеполагания при формировании национальной экономической политики. Выбранные приоритеты должны быть установлены не только на макроуровне, но и на уровне отдельных секторов экономики и конкретизированы в перечнях структурообразующих проектов, реализация которых позволит обеспечивать масштабный технологический и мультипликативный межотраслевой эффект.

Практически содержание политики реиндустриализации в сегодняшней России должно сводиться к формированию государством инвестиционных проектов по наращиванию мощностей приоритетных промышленных производств как локомотивов устойчивого экономического роста. В свою очередь, алгоритмы реализации подготовленных проектов предполагают определение для них «точек опоры». Только масштабная инвентаризация технологического потенциала позволит определить возможности реализации намеченных приоритетов, выявить ресурсы для последовательного движения к намеченным целям.

При этом необходимо исходить из того, что организационная структура российской промышленности характеризуется высокой степенью концентрации и централизации капитала в отраслях топливно-энергетического комплекса (прежде всего газовой, электроэнергетике, нефтяной) и чрезмерной размытостью капитала в отраслях обрабатывающей промышленности (в первую очередь в машино- и приборостроении). По сути, в России отсутствуют крупные машиностроительные корпорации международного уровня, способные работать на глобальном международном рынке. При такой организационной структуре обрабатывающая промышленность страны не способна конкурировать

с ведущими зарубежными отраслевыми корпорациями, интегрированными в транснациональные финансово-промышленные группы.

Как уже отмечалось, лишь во второй половине 2000-х гг. правительство стало принимать меры по концентрации активов и реструктуризации некоторых отраслей машиностроения в формате госкорпораций и акционерных обществ с контрольным участием государства (авиастроение, судостроение, отрасли оборонно-промышленного комплекса, ГК «Ростех»), чтобы приспособить их к условиям глобализирующихся товарных рынков. Началось объединение подконтрольных станкостроительных активов в рамках ОАО «Росстанкопром». Однако значимых успехов в экономике от такой реструктуризации пока нет. Реструктуризация промышленного потенциала в рамках госкорпораций имеет достаточно узкую направленность, связанную в основном с сохранением оборонно-промышленного потенциала страны, что объясняет ее низкий общесистемный (общепромышленный) эффект. Кроме того, как и в советское время, сохраняется организационно-экономическая обособленность российского ОПК от гражданского сектора технологически емкого машиностроения, что сдерживает трансфер технологий.

В отличие от сырьевых корпораций с высокой долей экспорта, отечественный машиностроительный комплекс (за исключением отдельных оборонно-промышленных секторов, экспортирующих свою продукцию) не имеет возможности увеличивать инвестиционные ресурсы за счет внешних финансовых рынков (долгосрочных кредитов; IPO). Ясно, что это обстоятельство также консервирует сложившийся низкий уровень конкурентоспособности данного комплекса.

Чтобы улучшить ситуацию, следует восстановить прикладную науку, проектное дело и инжиниринг, которые в трансформационный период оказались на грани исчезновения. Необходимо разработать специальную программу возрождения прикладной науки и ОКР, возможно, на основе формирования системы национальных исследовательских университетов, не противопоставляя их научным центрам РАН.

Финансовый потенциал реиндустриализации

При определении источников финансовых ресурсов, необходимых для реиндустриализации, самым спорным и острым вопросом является использование накопленных финансовых резервов. Отметим, что неверно рассматривать в качестве резервов на случай кризиса только средства Резервного фонда и отчасти Фонда национального благосостояния. Исходя из этого очень спорного положения, в проекте бюджета намечено увеличить Резервный фонд с 2,8 трлн рублей на конец 2012 г. до 4,7 трлн рублей к концу 2015 г. В результате 2 трлн рублей, изымаемых из хозяйственного оборота, не будут участвовать в развитии модернизационно-инновационных процессов. Предполагается, что и Фонд национального благосостояния увеличится до 2,8 трлн рублей. Важным финансовым резервом на случай кризиса являются также золотовалютные резервы страны, которые составляют более 525 млрд долларов (по сегодняшнему курсу — более 16 трлн рублей). Кроме того, есть резервы Агентства по страхованию вкладов, Агентства содействия жилищного строительства и, наконец, Пенсионного фонда (порядка 2,5 трлн рублей). В целом государство уже сейчас имеет финансовые резервы в сумме порядка 20 трлн рублей, что в три-четыре раза больше, чем затрачено на преодоление кризиса 2009 г.

Накопление крупных избыточных финансовых резервов более опасно для экономики, чем их недостаточность. Дело в том, что накопленные финансовые резервы лишь

смягчают последствия кризиса в денежно-финансовой сфере. Действительная и надежная защита от кризиса — модернизация экономики.

Если в 2013–2015 гг. образуются дополнительные доходы бюджета из-за более высоких цен на нефть, как это принято по новым правилам, то, по нашим исследованиям, не менее 60% дополнительных доходов следует без особого риска направлять на развитие экономики и не более 40% — на накопление резервов. Для преодоления последствий самых сильных кризисных явлений вполне достаточно доведение объема Резервного фонда к концу 2015 г. максимум до 3,5 трлн рублей, или до 4% к ВВП.

Ради ускорения модернизационно-инновационных процессов в стране представляется целесообразным такой не вполне рациональный с финансовой точки зрения путь, как сохранение дефицита бюджета на уровне порядка 2,3...2,5% к ВВП в 2013 г., 1,0...1,1% — в 2014 г. и 0,8% — в 2015 г. Это меньше, чем рекомендуется Маастрихтскими соглашениями, и намного меньше, чем в большинстве развитых стран. Намечаемое проектом бюджета снижение дефицита с 0,8% к ВВП в 2013 г. до 0,01% в 2015 г. (практически до полного преодоления дефицитности) представляется преждевременным и контрпродуктивным.

Риски от сохранения предлагаемого дефицита ничтожны по сравнению с рисками от сохранения примитивной структуры производства, обветшалой инфраструктуры, технологического отставания, массовой бедности, жилищного голода и других проблем, на решение которых не хватает денег.

Принятие наших предложений позволит увеличить расходы федерального бюджета, как минимум, на 900...1100 млрд рублей ежегодно.

Для финансирования широкомасштабной модернизации национальной экономики можно использовать расширение механизма кредитной эмиссии под финансирование структурообразующих инвестиционных программ модернизации и отобранных отраслей национальной экономики и промышленности. Эмиссия кредитных ресурсов может быть произведена через реальную индексацию вкладов населения в Сбербанке до 1991 г., обесцененных инфляционным взрывом. Считаем целесообразным ограничить использование индексированных средств тремя направлениями по выбору граждан:

- пополнение пенсионного капитала;
- формирование ипотечного капитала для финансирования социальной ипотеки (для нуждающихся в улучшении жилищных условий);
- приобретение акций специального государственного инвестиционного фонда модернизации национальной экономики.

Следует также рассмотреть вопрос расширения возможностей кредитования проектов реиндустриализации путем передачи в управление Банка развития части (например двух пятых) золотовалютных резервов государства. Это решение представляется рациональным, так как нынешний объем резервов является чрезмерным, а их размещение за рубежом приносит не слишком большие доходы (наибольший доход (в 2008 г.) составил 4% по активам в долларах и 5,57% — в евро; наименьший (в 2012 г.) — 0,33% по долларам и 1,09% — по евро).

Вместе с тем использование кредитной эмиссии для финансирования приоритетных инвестиционных проектов предполагает введение определенных ограничений на «финансовые вольности» с целью уменьшения рисков финансовой дестабилизации. Это потребует существенного улучшения качества деятельности по формированию инвестиционных проектов и усиления прозрачности движения как общих денежных потоков, так и валютных средств.

Необходимо отказаться от тезиса, согласно которому только доведение инфляции до 3...4% обеспечит привлекательность инвестиций за счет снижения ставки по кредитам, включая вложения в технологичные сектора. При этом забывают, что за время такой «борьбы» будут потеряны объекты инвестирования, а потеря внутренних рынков приведет к росту инфляции.

Наращивание финансовых ресурсов для реиндустриализации может обеспечить сокращение разрыва между вывозом и ввозом капитала, который достигает 7...10% ВВП (табл. 11).

Таблица 11

Вывоз капитала и ресурсы реиндустриализации в 2010 г., млрд р.

Превышение вывоза капитала над ввозом, всего	4493
Инвестиции в закупки машин, оборудования, транспортных средств	3534
Инвестиции в основной капитал машиностроения	209
Затраты на технологические инновации	350
Финансирование науки из бюджета	237

Решению этой задачи может способствовать и практика внешних заимствований, к которым прибегает государство, осуществляющее такие заимствования на более выгодных условиях, чем частный бизнес. В качестве кредиторов могут выступать как международные финансовые институты, так и государственные институты других стран, а также крупные международные частные финансовые компании. Эти средства могут аккумулироваться не в бюджете, из которого финансируются текущие государственные расходы, а в специальных инвестиционных фондах, средства которых расходуются на кредитование через специальные институты развития (специализированные банки, финансовые компании). В Японии и Республике Корея государственное софинансирование таких проектов осуществлялось через государственный Банк развития.

Однако, было бы иллюзией считать, что прямые иностранные инвестиции (ПИИ) могут стать решающим фактором широкомасштабной модернизации российской экономики. Напомним, что в 2008 г. в Россию поступило 27,03 млрд. долларов прямых иностранных инвестиций, т.е. меньше 10% от общего объема инвестиций в основной капитал. Из них в высокотехнологичный сектор российской промышленности направлено лишь 4,5%, в то время как в добывающий сектор — 12%, а в оптовую и розничную торговлю — 23%.

Вообще, почему иностранные инвесторы должны наращивать инвестиции в наименее привлекательные сектора национальной экономики, когда этого избегают отечественные предприниматели. Кроме того, приход ПИИ в обрабатывающей сектор национальной промышленности, как правило, связан с импортозамещением, перспективы которого после присоединения России к ВТО весьма туманны.

Повысить привлекательность России для иностранных инвесторов в обрабатывающем секторе промышленности, прежде всего в машиностроении, можно за счет более низких внутренних цен на энергию, металл, пластмассы, на которые приходится до 70% издержек в крупносерийном машиностроении (автомобилестроение, производство строительной и сельскохозяйственной техники). Однако «благодаря» свободному ценообразованию ценовые преимущества по металлам уже утрачены, а приведение внутренних цен на газ и электроэнергию к мировому уровню скорее всего «закроет» их окончательно. Решающую роль в привлечении корпоративных капиталов играет инвестиционная активность государства. И в первую очередь это важно для зарубежных инвесторов: никакая агитация инвестировать в российскую экономику не работает, если само государство в нее не инвестирует.

Что касается использования для реиндустриализации возможностей международных финансовых организаций, Россия, разумеется, должна активно участвовать в их деятель-

ности. Однако не следует питать иллюзий по поводу возможностей реального влияния на их деятельность. Разумеется, они прежде всего будут выражать интересы ведущих экономических держав, которые вряд ли заинтересованы в превращении России в самостоятельный центр экономической мощи.

Международные экономические институты должны использоваться Россией в качестве площадок для разъяснения собственного видения направлений трансформации мировой финансовой системы и условий международной торговли товарами и услугами. При этом следует избегать принятия обязательств, исполнение которых может затормозить модернизацию российской экономики.

Особого внимания заслуживает формирование московского международного финансового центра. Мировая финансовая система такова, что будет периодически порождать кризисные явления. И чтобы новый финансовый центр не стал проводником кризисных явлений в российскую экономику, а напротив, ограждал от них, нужно разработать правила, поощряющие активность действительных инвесторов, а не спекулянтов.

Политика реиндустриализации предполагает жесткое ограничение возможностей получения рентных сверхдоходов при сложившейся в стране ценовой системе, когда поставщик навязывает цену потребителю, закладывая в нее и неэффективные издержки (включая коррупционные), и собственные представления о доходности бизнеса. При этом «возглавляют процесс» зачастую контролируемые государством естественные (и «не совсем») монополии, которые ориентированы на мировой уровень цен, а не на экономически обоснованные воспроизводственные затраты. В результате ТЭК и металлургия стимулируют рост издержек в производстве конечных переделов, снижая их экономическую эффективность и инвестиционную привлекательность.

Таким образом, активизация ценовой политики, направленной на обеспечение прозрачности ценообразования и ценовой контроль за естественными монополиями и товарами, формирующими издержки производителей конечной продукции, становится важнейшим условием борьбы со злоупотреблением монопольным положением и инфляцией издержек.

Пока же регулирование ценообразования носит бессистемный характер и ограничивается периодическими кампаниями по сдерживанию цен на отдельные товары (бензин, сталь, молоко, муку). При этом основными «действующими лицами» становятся прокуратура и антимонопольная служба.

Наконец, ценовая политика по стимулированию реиндустриализации должна быть тесно увязана с политикой в сфере налогообложения. В России одна из самых низких номинальных ставок налогообложения прибыли. В других европейских странах она составляет 40...45%. Однако реальная ставка налогообложения прибыли у них сопоставима с российской (20...22%), поскольку в этих странах (в отличие от России) действует эффективная система контроля за целевым использованием средств, направляемых на инвестиции и инновации из части прибыли, освобождаемой от налогообложения. Поэтому нам необходимо восстановить налоговые льготы для инвесторов, осуществляющих модернизацию, несмотря на аргумент противников о том, что в России невозможно преодолеть практику злоупотребления дифференцированными стимулами.

Внешнеэкономический потенциал модернизации

Мировой опыт показывает, что непременным условием индустриальных прорывов в национальной экономике является использование передовых иностранных технологий. При этом возможны различные варианты: обычные закупки зарубежного оборудования для новых (нарождающихся) и существующих отраслей; выборочный импорт продукции и услуг, несущих информацию о технологических новинках; имитация

чужих технологий и дизайна по закупленным образцам (обратное конструирование); закупки неовещественных технологий (промышленных образцов, патентов, лицензий, ноу-хау). Сюда же следует отнести перенос из других стран полного либо частичного производства достаточно сложных изделий, создание силами транснациональных корпораций научных центров и конструкторских бюро в странах — реципиентах прямых иностранных инвестиций (ПИИ), а также обучение местных работников, занятых в филиалах ТНК.

Из опыта советского периода известно, что для ускорения индустриализации в 1920–1930-е гг. в импорте СССР последовательно увеличивался удельный вес машин и оборудования. В 1930 г. доля производственной техники в общем объеме импорта составила 46,8%. Советский Союз стал крупнейшим импортером продукции машиностроения — в 1931 г. на него приходилось 30% всего мирового импорта машин и оборудования (без автомобилей), в 1932 г. — около 50%. В 1938 г., когда костяк отечественной тяжелой промышленности в основном был сформирован, удельный вес машинотехнического импорта снизился до 34,5%.

На основе ввезенного из-за рубежа оборудования в республиках бывшего СССР осуществлялось масштабное строительство новых промышленных предприятий. В России, в частности, были заложены основы станкостроения, введены в строй первые заводы отрасли: «Фрезер», «Калибр», «Красный пролетарий» и др. Импортным оборудованием оснащались крупные тракторостроительные предприятия в Сталинграде и Челябинске, первенцы автомобильной промышленности — Московский и Горьковский автозаводы. За счет импорта электрогенераторов и паросиловых установок почти на 90% удовлетворялись потребности в оборудовании строящихся электростанций. Из-за рубежа получали оборудование возводившиеся в тот период металлургические предприятия, включая Магнитогорский, Кузнецкий и Челябинский комбинаты.

В современных условиях особая роль импорта в возрождении российской обрабатывающей промышленности обусловлена тем, что из-за деградации отечественного машиностроения многие виды машин и оборудования не производятся в России, а те, что производятся, отличаются низким качеством, поэтому спрос на них невелик. По расчетам специалистов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, обновление основных фондов в российской экономике может быть обеспечено отечественным производством лишь на 44%^[20].

Между тем возможности импорта очень слабо используются для перестройки отечественной экономики. Он чрезмерно ориентирован на удовлетворение текущих потребительских нужд. Так, в 2011 г. доля потребительских товаров в импорте, по данным Росстата, составляла 36,7%, а инвестиционных — только 21,3%. Потребительский характер российского импорта особенно четко прослеживается при его сравнении с импортом других стран, решающих сходные задачи развития. К примеру, в импорте Бразилии, Мексики, Индии, Китая доля потребительских товаров, как правило, заметно ниже, чем инвестиционных. По данным UN Comtrade (2007 г.), на потребительские товары, включая продовольствие и напитки, приходилось 5,6% импорта Китая; 10,6 — Бразилии; 5,2 — Индии, 11,3% — Мексики. Доля машин и оборудования производственного назначения составляла в их импорте соответственно 43,8; 26,6; 19,1 и 31,8%^[21].

Словом, российский импорт пока не стал действенным инструментом ускорения научно-технического прогресса, модернизации производственного и технологического потенциала страны. Чтобы сделать его таковым, долю машин и оборудования инвестиционного назначения в нем необходимо увеличить в 1,5...2 раза. На наш взгляд, это должно стать главной целью стратегии оптимизации импорта России.

О недостаточном использовании возможностей импорта свидетельствует и незначительный объем закупаемых Россией зарубежных неовещественных технологий (промышленных образцов, патентов, лицензий, ноу-хау и т.п.). В 2011 г. страна потратила на эти цели около 1,9 млрд долларов (0,5% российского импорта товаров и услуг)^[22]. Для сравнения, США, лидирующие в технологическом развитии, в том же году закупили иностранных технологий на 34,8 млрд долларов, Япония — на 19,2; Сингапур — на 19,4; Швейцария — на 16; Китай — на 15 млрд долларов.

Небольшой объем — не единственная слабость российского импорта технологий, тем более что в последние годы он быстро рос. Есть более серьезная проблема — *неблагоприятная* структура закупаемых технологий. Преобладающее место среди них занимают инжиниринговые услуги (37%) и товарные знаки (22%), т.е. те позиции, которые входят в группу «зрелых» технологий с относительно низкой прибыльностью. В то же время доля закупок патентов, лицензий, ноу-хау, связанных обычно с освоением новых процессов и видов продукции, составила всего 9%.

В настоящее время российские предприниматели для повышения технологического уровня своих производств предпочитают закупать иностранные технологии в овеществленном виде — в форме машин и оборудования. Это позволяет, получая не самые современные технологии (которые к тому же устаревают за период исполнения контракта), упростить и ускорить обновление производства. Между тем, как показывает мировой опыт, в отдельных случаях импорт лицензий и ноу-хау оказывается гораздо более выгодным. Лицензионные соглашения, помимо экономии валютных средств, позволяют, как правило, получать от продавца ценные ноу-хау, содействие в совершенствовании лицензионной продукции, а иногда и в ее реализации на зарубежных рынках. Кроме того, подобное соглашение может стать исходной базой для новых отечественных разработок. По оценке экспертов, в середине прошлого десятилетия на базе лицензионных соглашений производилось свыше половины выпускаемой в мире продукции машиностроения^[23]. Напомним, что именно за счет лицензий и ноу-хау Япония, Южная Корея, Сингапур и другие страны ЮВА преодолели технико-экономическое отставание от развитых стран. Значит, и в нашей стране одним из важных направлений совершенствования импорта должно стать стимулирование притока передовых технологий преимущественно в неовещественной форме.

Сравнительно малые объемы ввоза технологий в Россию (в чистом и овеществленном виде) объясняются прежде всего их низкой востребованностью большинством российских предприятий, которые в условиях слабой конкуренции на внутреннем рынке не испытывают потребности в систематическом обновлении продукции и используемого оборудования. Недостаточно благоприятный инвестиционный климат и отсутствие в стране эффективных стимулов для инновационного развития также отрицательно сказываются на объемах ввоза в страну зарубежных технологий.

Еще одной причиной недостаточно активного использования в России чистых технологий является отсутствие опыта и соответствующих структур, способных обеспечить доведение идеи, сформулированной в лицензии, до готового продукта в виде материала, оборудования или процесса. В этих условиях важной задачей должно стать достраивание и совершенствование национальной инновационной системы. В первую очередь речь идет о возрождении отраслевых институтов, конструкторских бюро, опытных предприятий, которые особенно сильно пострадали *во время системной трансформации*. В функции последних входили не только научные изыскания и разработки, но и изучение передовых образцов иностранной техники, что позволяло «держать руку на пульсе» мирового НТП.

Как бы то ни было, такие способы ввоза технологий в Россию, как прямые закупки инвестиционного оборудования, лицензий, ноу-хау, а также более сложные формы взаимо-

действия, включая строительство заводов «под ключ», кооперацию с зарубежными фирмами при изготовлении продукции, совместное проведение НИОКР и создание совместных предприятий, должны, безусловно, поддерживаться государством.

Особое место среди мер, способствующих улучшению инвестиционного климата, должно занять восстановление налоговой инвестиционной льготы. Целесообразно также принять меры по максимально возможному упрощению импорта промышленного оборудования, не производимого в стране. В частности, можно временно (на 5...7 лет) снизить ставки ввозных пошлин на такое оборудование до нулевых значений, даже если это не предусмотрено обязательствами России перед ВТО. Напомним, что подобное снижение практиковалось в предкризисный период. Однако самостоятельно манипулировать пошлинами Россия как член Таможенного союза теперь неправомочна: это прерогатива Евразийской экономической комиссии.

Для овладения современными технологиями не следует, на наш взгляд, чураться использования таких средств, как «промышленная разведка». Она применялась и применяется как государствами, так и отдельными корпорациями, хотя официальных упоминаний об этом нет. Использование полученных этим путем разработок или образцов изделий позволяет в короткие сроки ликвидировать наметавшееся технологическое отставание в той или иной области.

Исключительно важно, чтобы политика стимулирования импорта инвестиционного оборудования и технологий стала частью общей научно-технической и промышленной политики страны. В рамках данной политики на основе имеющихся у отечественных разработчиков заделов и общих перспектив НТП в мире должны быть определены, с одной стороны, приоритетные для разработок собственными силами технологии и виды оборудования, а с другой — технологии и оборудование, ввоз которых должен стимулироваться специальными мерами. Такую политику следует разрабатывать совместно с непосредственными пользователями и создателями отечественной техники, причем таким образом, чтобы не пострадали ни отечественный сектор исследований и разработок, ни отечественная промышленность, ни технологическая безопасность страны в целом.

Ключевые условия успеха реиндустриализации

Об успешности модернизации российской экономики на новой технологической основе можно судить по доле инновационно-активных предприятий в ее составе и объемам выпускаемой инновационной продукции. Именно на их рост направлена Стратегия инновационного развития России на период до 2020 г.^[24] С учетом опыта КНР, Республики Корея и Японии в Стратегии выбран сценарий догоняющего развития с элементами лидерства в отдельных сегментах экономики, в которых имеются или могут быть созданы конкурентные преимущества. Согласно целевым показателям этого документа, доля промышленных предприятий, осуществляющих инновации, к 2020 г. должна увеличиться 4–5 раз (по сравнению с 2010 г.); доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции в 5...7 раз; доля российских высокотехнологичных товаров в общем объеме их мирового экспорта в 8 раз.

Заметим, что аналогичные планы намечались в прошедшем десятилетии. Еще в 2000 г., выполняя распоряжение Правительства РФ^[25], Минэкономразвития и торговли России подготовило проект Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 2010 г.). Второй раздел этого документа посвящен модернизации экономики, где инновационный вариант экономического развития (перейти к которому предполагалось в 2007–2010 гг.) определен в качестве безальтернативного. И хотя проект так и не был принят, последующие трехлетние сценарии-прогнозы, принимавшиеся в указанный период, ставили те же задачи. Кроме того, в 2005 г. были приняты Основные

направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года^[26], а в 2006 г. — Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года^[27].

В ходе реализации этих документов проводились мероприятия по оптимизации правового режима инновационной деятельности, вводились налоговые льготы, совершенствовалось таможенное регулирование экспорта-импорта инновационной продукции. Были созданы основные элементы системы институтов развития в сфере инноваций, в том числе Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, венчурные фонды (с государственным участием через открытое акционерное общество «Российская венчурная компания»), федеральное государственное автономное учреждение «Российский фонд технологического развития», государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» (Внешэкономбанк), открытое акционерное общество РОСНАНО.

Началось формирование национальных исследовательских центров (первый — «Российский научный центр „Курчатовский институт“»). Стали создаваться технико-внедренческие особые экономические зоны, на территории которых предусматриваются значительные льготы для инновационных компаний, а также наукограды, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и федеральные центры коллективного пользования научным оборудованием. На конкурсной основе осуществлялась поддержка создания и развития инновационных кластеров. Получила развитие финансовая база инновационной деятельности, в том числе в 2006–2008 гг. в 1,6 раза было увеличено финансирование за счет средств государства фундаментальной науки и прикладных разработок, реализована финансовая поддержка инновационных программ 57 вузов (в 2005–2008 гг. на эти цели было выделено 30 млрд рублей). На конкурсной основе 29 университетам были выделены средства на реализацию программ развития, включая создание инновационной инфраструктуры и развитие исследовательской деятельности (в 2009–2010 гг. на все программы развития выделено 8,42 млрд рублей). Однако предпринятые усилия не принесли заметных результатов (рис. 2).

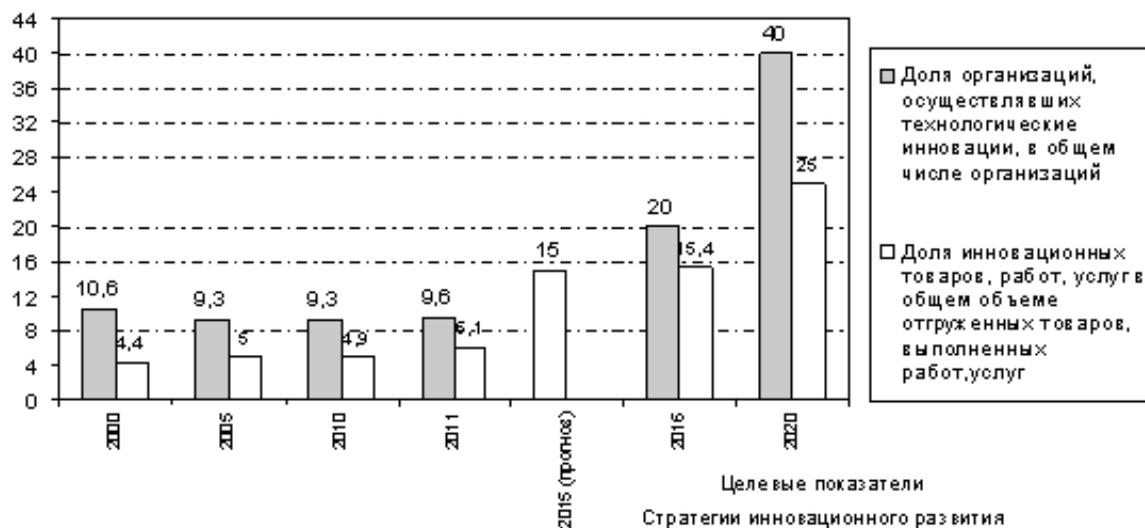

Рис. 2. Динамика инновационной активности промышленности

Встает вопрос: насколько реален наметаемый в Стратегии инновационного развития резкий скачок инновационных показателей? Чтобы ответить на него, определим причины, по которым предпринимаемые на протяжении десятилетия меры не дали желаемого результата.

Уже отмечалось, что активная инновационно-инвестиционная позиция государства — обязательное условие эффективности промышленной политики. Подчеркнем: *обязательное, но не достаточное условие*. Важно четко представлять себе пределы возможностей государства в модернизации экономики. И отечественный, и зарубежный опыт показывают: государство, концентрируя ресурсы под своим контролем на ограниченном числе направлений, способно обеспечить точечные инновационные прорывы, в том числе в особо значимых областях (космической, атомной, авиа- и ракетостроении и т.п.)^[28]. Однако инновационный экономический рост обеспечивают не передовые позиции в отдельных, пусть даже важных и крупных производствах и комплексах, а состояние экономики в целом. В таком случае она должна развиваться преимущественно за счет широкого использования технических, технологических, организационно-управленческих и иных нововведений, опираться на новейшее научное знание в соответствующих областях, в том числе путем использования результатов, получаемых в сферах, развиваемых при непосредственном государственном участии. Обеспечить такое развитие само государство не в состоянии в силу объективных ограничений централизованного воздействия на субъекты хозяйствования.

Такая модернизация возможна лишь при массовом спросе на технологические инновации со стороны предпринимателей. Не случайно в определении Росстата инновационная деятельность связывается не просто с трансформацией научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, но и с внедрением последних на рынке либо их использованием в практической деятельности. Исходя из этого любое техническое «чудо», демонстрируемое на каком-либо форуме высоких технологий, безусловно, относится к научно-технологическим достижениям, однако инновацией оно станет лишь при наличии покупательского спроса, т.е., когда оно превратится в товар либо начнет использоваться при производстве товаров.

Конечно, государство тоже выступает в качестве покупателя инноваций, но его спрос на инновации ограничен достаточно узким сегментом, связанным с выполнением государственных функций. Государственный спрос может лишь задать начальный импульс для такой модернизации. Если же этот спрос не будет поддержан массовой инвестиционно-инновационной активностью предпринимателей, то усилия государства в данном направлении либо дадут крайне ограниченные результаты для национальной экономики, либо будут использованы зарубежными конкурентами.

К сожалению, экономическая практика свидетельствует об отсутствии у российского предпринимательства «инновационного интереса». При сопоставимом объеме затрат государства на исследования и разработки у нас и за рубежом затраты российских предпринимателей на эти же цели в разы меньше, тогда как в развитых экономиках ситуация противоположная (табл. 12).

Таблица 12

Внутренние затраты на исследования и разработки, % ВВП

Страна	Всего в 2010 г.	По секторам*			
		Государственный	Предпринимательский	Прочие	
				Национальные	Иностранные
Россия	1,16	0,81	0,29	0,06	0,04
Япония	3,26	0,56	2,47	0,02	0,01

Страна	Всего в 2010 г.	По секторам*			
		Государственный	Предпри- мательский	Прочие	
				Национальные	Иностранные
США	2,9 (2009 г.)	0,9	1,78	0,2	-
Германия	2,47	0,73	1,63	-	0,14
Франция	2,15	0,7	1,3	0,4	0,1
Великобритания	1,76	0,56	0,79	0,11	0,28
Китай	1,77	0,42	1,26	-	0,02
Бразилия	1,19	0,62	0,54	0,02	-
Индия	0,8 (2004 г.)	0,6	0,2	0,0	

* В 2010 г. или за последний год, по которому имеются данные.

В Стратегии инновационного развития отмечается, что рост бюджетного финансирования на поддержку исследований и разработок не привел к необходимому росту инновационной активности предприятий. С 2005 по 2009 г. доля средств российского предпринимательского сектора во внутренних затратах на исследования и разработки уменьшилась с 30 до 26,6% при увеличении доли средств государства с 61,9 до 66,5%. В США в 2008 г. доля бюджетных расходов во внутренних затратах на исследования и разработки составила 21,5% против 78,5% «предпринимательского сектора». Ни частный, ни государственный сектор российской экономики, подчеркивается в Стратегии, не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций.

В связи с этим вспомним, что модернизировать производство предпринимателя заставляет конкуренция^[29], а инновации — один из важнейших инструментов конкурентной борьбы (хотя и очень дорогой). Известно, что для внедрения предпринимателем новой техники и технологии издержки на их применение должны быть ниже издержек на труд. При наличии дешевой рабочей силы затраты на технологическое обновление производства экономически нецелесообразны^[30].

Как следует из табл. 13, в России к 2011 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума по сравнению с 1992 г. снизилась более чем в 2,5 раза, при этом сам прожиточный минимум по отношению к среднему доходу сократился с 50 до 30%. Соответственно, если в 1992–2000 гг. к бедным относились те, кто получал менее половины среднего дохода, то ныне к ним относятся те, кто получает менее 30% среднего дохода.

Таблица 13

Показатели бедности

Годы	1992	1998	2000	2010	2011*
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	33,5	23,4	29,0	12,5	12,7
Величина прожиточного минимума, % к среднему денежному доходу	47,2	48,8	53,0	30,7	30,8
Доля населения с доходами менее 1/2 среднего	26,5	~32	~29	~29	~29

* В 2011 г. средний доход составлял 20 702,7 р./мес.

Доля людей, получающих меньше половины среднедушевого дохода, с 2000 г. не изменилась и составляет почти 30% населения страны. Более 70% малоимущих в 2011 г. были заняты в экономике, пенсионеров среди них было около 10%. При этом наиболее дешевая рабочая сила занята в отраслях, которые по определению являются источником модернизации экономики (табл. 14). Пока сохраняется такая ситуация, трудно ожидать предпринимательского интереса к инновационному поведению.

Таблица 14

Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата по видам экономической деятельности, % к средней по РФ

Годы	1995	2000	2005	2011
Среднемесячная заработная плата, р.	472,4	2223,4	8554,9	23 369,2
Виды экономической деятельности:				
добыча топливно-энергетических ресурсов	В 2,6 раза	В 3,1 раза	В 2,7 раза	220,8
финансовая деятельность	В 1,5 раза	В 2,3 раза	В 2,6 раза	238,7
производство машин и оборудования	80,3	88,8	97,9	97,5
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	76,0	90,1	96,1	100,0

Вместе с тем *преодоление дешевизны рабочей силы — обязательное, но не достаточное условие инновационной активности предпринимателей.*

Инновации — очень рискованный инструмент конкурентной борьбы, что давно известно экономической науке^[31]. Подтверждают это и современные предприниматели^[32]. Не случайно развитие инновационного предпринимательства потребовало широкого распространения производных финансовых инструментов (деривативов), страхующих (маскирующих) инвестиционные риски: очевидно, инвестор вряд ли будет «напрямую» вкладывать собственные средства в инновации при широко известной статистике их осуществимости^[33]. При наличии более дешевых и надежных инструментов конкуренции предпочтение будет отдано им.

Широко известно, что в современной России успех предпринимательства зачастую обеспечивает тесное взаимодействие с властными структурами. Речь идет не о партнерских отношениях государства и бизнеса, а о возможностях представителей властных структур диктовать свою волю. При этом неважно, чем руководствуется чиновник: собственным представлением об «общественной пользе» или корыстью. Важно лишь, что существует институт (как правило, не формализованный), позволяющий действовать подобным образом^[34]. Такова специфическая российская форма проявления огосударствления отношений присвоения. Без преодоления этого достаточно устойчивого феномена невозможна эффективная политика модернизации.

Таким образом, модернизация экономики требует не столько развития конкуренции вообще, сколько создания условий, при которых главным инструментом в конкурентной борьбе российских предпринимателей станет технологическая (в широком смысле) модернизация своего бизнеса.

Ликвидация монополизма в целях развития конкуренции *необходима, но не достаточна*. До тех пор, пока деятельность по перераспределению прав собственности будет гораздо «интереснее», чем работа по ее развитию, безуспешны и борьба с «рейдерством», и призывы к «инновационному поведению». В этих условиях компенсационные меры (кредитно-инвестиционно-налоговые льготы или механизмы государственно-частного софинансирования) не приведут к значимому

снижению рисков инновационной деятельности. Более результативны институты, делающие использование неинновационных инструментов конкуренции гораздо более рискованным.

Нынешнее огосударствление российской экономической жизни обусловлено низким уровнем легитимности отношений собственности на средства и результаты производства, сложившихся в процессе приватизации госсобственности в 1990-х гг. Тогда под лозунгом разгосударствления произошло крайне примитивное изменение отношений собственности, за которым не стояли ни научные идеи, ни анализ мирового опыта. Результатом стало появление «неэффективного» (в народнохозяйственном смысле) собственника^[35]. По сути, была воспроизведена ситуация, о которой в начале XX в. писал В. В. Розанов: «В России вся собственность выросла из «выпросил», или «подарил», или кого-нибудь «обобрал». Труды собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается»^[36].

В результате любые действия государства (его представителей), направленные на ограничение «предпринимательских свобод», даже если они противоречат законодательству по защите прав собственников, получают поддержку в массовом сознании, особенно если они совершаются под лозунгом защиты интересов «простых людей». Отсюда глубокое расхождение между правом и правоприменительной практикой в экономической жизни российского общества. Сама по себе *приватизация не тождественна разгосударствлению*.

Как показывает исторический опыт, единственным надежным механизмом реального разгосударствления экономики, является постоянная активная деятельность институтов гражданского общества. Именно эти институты способны ограничивать интересы предпринимателей, с одной стороны, и постоянное стремление государства к избыточному присутствию в экономике — с другой. В социально ориентированной экономике эти институты образуют важнейшую часть механизма регулирования экономической жизни общества. Поэтому их развитию уделяется большое внимание в странах, преодолевающих негативные последствия «социалистической» организации общественного производства.

Вопросы формирования гражданского общества в России выходят за пределы данного доклада. Отметим лишь, что институты гражданского общества возникают как результат изменений в мышлении и поведении людей. Поэтому нельзя отождествлять политику формирования институциональной системы гражданского общества с системой государственных мероприятий, направленных на создание различных негосударственных (общественных) структур. Такая «политика» может привести лишь к возникновению квазигражданских отношений. Государство должно создать такую социально-экономическую и политическую «атмосферу», при которой устраняются административные, экономические, социальные и прочие барьеры, мешающие проявлению общественной активности граждан, формированию экономической базы для такой активности.

Задача государства — концентрация социально-экономической активности в направлениях, адекватных задачам реформирования.

Заключение

Масштабная реиндустриализация российской экономики потребует существенного изменения структуры использования ВВП. Россия в силу численности населения и масштабов экономики не может иметь такую же абсолютную величину накопления капитала, как более развитые страны. Чтобы соответствовать развитым странам по капиталовооруженности труда, технологическому уровню производства и уровню жизни, она должна иметь примерно равную с ними величину накопленного капитала в расчете на одного жителя. Это значит, что она должна сравняться с развитыми странами по норме накопления, величине накопления на одного жителя и величине накопленного капитала на одного жителя. Сегодня, согласно расчетам специалистов Института экономики РАН на базе данных Всемирного банка, страны «семерки» опережают

Россию по величине накопленного воспроизводимого капитала на душу населения в 1,75 раза. Одномоментное преодоление этого разрыва потребовало бы существенного уменьшения доли конечного потребления и его абсолютной величины, что нереально. Поэтому модернизация экономики должна быть поэтапной. Вначале нужно сравняться с развитыми странами по доле накопления в ВВП и превзойти их по этому показателю, а затем перейти к выравниванию размеров накопления в расчете на одного жителя. При этом с учетом увеличения масштабов производства не потребуется такая высокая норма накопления. После этого возможна постановка задачи достижения сравнимого с развитыми странами уровня накопленного национального богатства на душу населения.

Для этого необходимо определить пропорции между конечным потреблением, накоплением и темпами их роста с учетом более быстрого накопления капитала при росте реальных доходов. Определение темпов роста конечного потребления требует политического решения, для принятия которого полезно иметь представление о масштабах изменений пропорций использования ВВП, необходимых для увеличения средств, расходуемых на накопление. Расчеты показывают, что реально возможно значительное увеличение накопления при одновременном существенном росте потребления.

Другой важный аспект реиндустриализации — сложившаяся региональная дифференциация. Расчеты, выполненные в Центре исследований федеративных отношений Института экономики РАН^[37], позволяют предположить, что различие «социально-инновационных» потенциалов субъектов Федерации носит качественный характер. Не исключено, что экономики разных регионов принадлежат к различным типам. Если это так, то ряд регионов объективно не способен включиться в инновационную модернизацию. Отсюда неизбежно следует вывод о контрпродуктивности идеи реализации единой для субъектов Федерации политики реиндустриализации. При общей направленности на укрепление единства экономического и правового пространства данная политика не может быть одинаковой для всех регионов.

Приведенные положения носят характер научных гипотез, для их подтверждения или опровержения необходимы дополнительные исследования. Однако не учитывать их при формировании политики реиндустриализации было бы нерационально.

Анализ проблем реиндустриализации российской экономики позволяет сделать вывод, что, несмотря на снижение экономического потенциала, Россия располагает достаточными возможностями, чтобы своевременно развернуть производства нового технологического уклада. Даже при длительной стагнации мировой экономики страна имеет необходимые ресурсы не только для самостоятельного выживания, но и для опережающего развития. Реализация изложенных мер создаст необходимые предпосылки для промышленного прорыва и выхода на траекторию устойчивого экономического роста с темпом среднегодового прироста ВВП не менее 6% в год.

^[1] «Нельзя не сознаться, что Россия слишком велика и могущественна, чтобы быть только одной из великих европейских держав...» (Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. — 6-е изд. — СПб.: Изд-во С. — Петербургского университета; Глагол, 1995. — С. 339).

^[2] «Россия может либо возродиться как великая держава (великая по своему политическому влиянию в мире, по уровню экономического развития, материального достатка и духовности, по гордости, вызываемой как у своих сограждан, так и у остальных народов), либо перестать быть Россией» (Абалкин, Л. И. Поиск пути в меняющемся мире // Избр. труды: в 4 т. — Т. 4. — М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. — С. 220).

«Россия должна быть мировой державой..., а не лидером «своего» блока» (Попов, Г.Х. Будет ли у России второе тысячелетие». — М.: Экономика, 1998. — С. 253. См. также: Попов, Г. О цивилизации XXI века // Вопросы экономики. — 2013. — № 2. — С. 105).

См. также: Рогов, С.М. Россия — XXI век (материалы Всероссийской науч. конф.) // Экономист. — 1998. — № 1. — С.10; Там же. — 2000. — № 1. — С. 9.

^[3] Проект Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. — М.: МЭРТ, 2000.

^[4] Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

^[5] См.: Научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз — важнейший элемент стратегии развития России» // Вестник РАН. — 2009. — Март. — Т. 79. — № 3.

^[6] Именно такое понимание лежит в основе определения инновационной деятельности, используемого Росстатом в целях статистического учета: «Инновационная деятельность — вид деятельности, связанный с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений) в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, внедренные на рынке, в новые или усовершенствованные технологические процессы или способы производства (передачи) услуг, использованные в практической деятельности (Россия в цифрах.2011: кр. стат. сб. — М.: Росстат, 2011. — С. 400. Курсив наш — авт.).

^[7] «... нет смысла реиндустриализировать экономику, которая построена не на промышленности, а на производстве и распространении информации (ИКТ) «...», потеряв связь с настоящим, мы обречены на провал в будущем» (Нейсбит, Д. Мегатренды. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2003. — С. 25).

^[8] На необходимость активной государственной промышленной политики как условия успешного развития указывают такие разные по своим экономическим взглядам политики, как лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц, отмечая, что «... США проводят очень сильную промышленную политику, направляя до 25% общего объема кредитов на развитие американских предприятий. Промышленная политика в случаях, когда она хорошо продумана и разработана, служит важнейшим стратегическим инструментом управления экономикой, позволяющим обеспечить решение задачи достижения экономического роста с учетом фактора социальной справедливости» (из выступления на семинаре «Новые пути развития» 12–13 сентября 2002 г. в Рио-де Жанейро, Бразилия) и Дж. Сакс, считающий активную промышленную политику одним из основных факторов экономических успехов США (Сакс, Дж. Стоит ли хвалить Клинтона за процветание Америки // Независимая газета. — 18.08.00. — С. 6).

В Послании Президента США «О положении в стране» (12.02.2013 г.) поставлена задача возродить американскую обрабатывающую промышленность (manufacturing) и вернуть в страну рабочие места, чтобы продолжить производить товары, которые покупает весь остальной мир. Было отмечено, что за последние три года в обрабатывающей промышленности создано дополнительно 500 000 рабочих мест. С момента окончания рецессии темпы роста отрасли были самыми высокими за последнее десятилетие. Президент предложил Конгрессу поддержать его инициативу о единовременных инвестициях в размере 1 млрд долларов на создание в стране сети из 15 институтов инноваций для обрабатывающей промышленности. Для ускорения прогресса в этом направлении он выразил намерение использовать ресурсы исполнительной власти и создать три новых института, которые в партнерстве с бизнесом, университетами, колледжами и правительством будут создавать и развивать производственные технологии, что поможет находящимся на территории США предприятиям создавать привлекательные рабочие места. Одновременно он выразил намерение закрыть налоговые лазейки, позволяющие выводить рабочие места за пределы страны. Для поддержки национальных производителей и стимулирования

инвестиций на территории США в Послании предложено снизить ставку налога на прибыль в обрабатывающей промышленности и расширить сферу применения налогового кредита на проведение научных исследований и разработок, сделав эту льготу постоянно действующей. Выдвинута программа «Выбирай США» (Select USA), направленная на привлечение зарубежных инвестиций, повышение глобальной конкурентоспособности США и создание новых рабочих мест. В области внешней торговли намечено принятие ряда новых мер по содействию продвижению американской продукции на зарубежные рынки, в особенности на рынки Азии и Европы.

^[9] Утверждена распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 2539-р.

^[10] См.: Добрецов, Н. Л., Конторович, А. Э., Кулешов, В. В. Стратегические точки роста и проблемы государственной значимости в Сибири // Вестник РАН.— 2001.— Т. 71, № 10.

^[11] Выступая на совещании о реализации государственной политики в области развития ОПК на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу (20.02.12.), В. Путин подчеркнул: «.....20 трлн предусмотрели на гособоронзаказ до 2020 года, а как его выполнять, если мы хотим получить новейшие образцы вооружения на старом оборудовании?! Значит, начинать-то надо прежде всего с самого оборонно-промышленного комплекса: нужны новые станки, новые технологические линии».

^[12] «Следуя этому сценарию,— отмечал В. Путин в выступлении на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» (08.02.2008.),— мы ... не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормального развития, подвергнем угрозе само ее существование, говорю это без всякого преувеличения».

^[13] См.: Научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз — важнейший элемент стратегии развития России» // Вестник РАН.— 2009.— Т. 79, № 3.— Март.

^[14] Это, конечно, не означает отказа от использования в данной области возможностей импорта. Речь идет о преодолении сознания «безнадежной отсталости» и выстраивании грамотной внешнеэкономической политики, учитывающей все аспекты этой проблемы.

^[15] Это не значит, что необходимо калькировать данный опыт в современных условиях, а лишь говорит о принципиальной разрешимости задачи.

^[16] Об этом свидетельствуют приводимые в СМИ сведения об отказах в импорте систем ЧПУ для пятикоординатной обработки деталей, включения странами ЕС, США и Японией в контракты о поставках в Россию в качестве обязательного условия лицензирования экспорта технологий двойного назначения, в котором оговаривается запрет на несанкционированное использование и перемещение наукоемкого механообрабатывающего оборудования (например, требование оснащать оборудование датчиками контроля местоположения с помощью GPS или обязательное подключение оборудования к сети Интернет). Отсюда понятно, почему С. Иванов, будучи первым заместителем Председателя Правительства, на совещании по проблеме отечественного станкостроения (г. Иваново, июль 2007 г.) отмечал, что «... обеспечение отрасли машиностроения России отечественными станками наиболее наукоемких категорий — вопрос национальной безопасности».

^[17] При этом необходимо иметь в виду, что, согласно опубликованным экспертным оценкам, в настоящее время российские станкостроительные заводы выпускают оборудование, примерно на 70% состоящее из импортных узлов и деталей.

^[18] Типичную для предприятий этой категории ситуацию специалист отдела кадров описывает так: «На предприятии работают преимущественно опытные специалисты предпенсионного возраста и молодежь. Из-за хаоса 90-х годов мало квалифицированных работников среднего возраста, которые должны будут заменить ветеранов в ближайшие годы» (из интервью в рамках обследования социально-трудовых отношений на промышленных предприятиях).

^[19] См. Стенограмму заседания экспертной группы № 702.04.2011 // <http://2020strategy.ru>

^[20] Инновационно-технологическое развитие экономики России / под ред. акад. В. В. Ивантера.— М.: Макс Пресс, 2006.— С. 200.

^[21] Начиная с 2009 г. UN Comtrade подобные данные не публикует.

Справочно. Данные Росстата и международной статистики сопоставлять сложно, поскольку группировка товаров в отечественной и мировой статистике заметно различается. По нашим расчетам, выполненным на базе данных ЮНКТАД, в 2011 г. удельный вес машин и оборудования (исключая автомобильную технику) в импорте России составил 27,1%, Китая — 31,4, Бразилии — 26,8, Индии — 16, Мексики — 36,9%. Если из группы машин и оборудования исключить офисное и телекоммуникационное оборудование, то по странам доли машин и оборудования будут следующими: Россия — 20,8, Китай — 25,2, Бразилия — 20, Индия — 11,9, Мексика — 24%. Что касается потребительских товаров, то подсчитать их долю по данным международной статистики затруднительно.

^[22] ВТО оценивает наш импорт технологий иначе (6,1 млрд долларов в 2011 г.), но не приводит его структуру. См.: International Trade Statistics 2012 / WTO.— Р. 178 — www.wto.org.

^[23] Проблемы эффективной интеграции научно-технологического потенциала России в мировое хозяйство.— М.: Издательство ЛКИ, 2008.— С. 35.

^[24] Утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.12.11 г. № 2227-р.

^[25] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.12.1999 г. № 2021-р.

^[26] Утверждены Председателем Правительства РФ 5 августа 2005 г. № 2473п-П7.

^[27] Утверждена Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15 февраля 2006 г. № 1). Министерство образования и науки Российской Федерации.

^[28] Еще раз подчеркнем, что для конкретно сложившихся условий в России государство в ряде случаев должно выступать инициатором масштабных инвестиционных проектов и в тех сферах, которые непосредственно не связаны с выполнением государственных функций.

^[29] «... Капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. «...» Этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства». При этом К. Маркс ссылается на общеизвестность данного процесса, цитируя издание 1720 г.: «... всякое изобретение, инструмент или машина, позволяющее обходиться с меньшим количеством рук и, следовательно, производить дешевле, вызывает у других своего рода необходимость и соревнование или в использовании такого же изобретения, инструмента или машины, или же в изобретении чего-либо подобного, так чтобы все находилось в равных условиях и никто не мог продавать дешевле своего соседа» (The Advantages of East-India Trade to England.— London, 1720.— P. 67) (Маркс, К. Капитал. Т. 1. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.— Изд. 2.— Т. 23.— С. 329).

^[30] Этот факт был подмечен еще первым русским политэкономом И. Т. Посошковым, который в рукописи, предназначенной для Петра I (1724 г.), отмечал, что «... нечаянно полного кормления у русских людей охоту и к мастерству прилежание тем пресекают и размножить доброму художеству не допускают» (Посошков, И. Т. Книга о скудости и богатстве.— М.: Издат. дом «Экономическая газета», 2001.— С. 248).

Отметим, что «добрым художеством» в то время называлась ремесленно-промышленная деятельность, т.е., говоря современным языком, низкий доход не стимулировал модернизацию.

^[31] «Издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий «...» Предприниматели — пионеры в своем большинстве терпят банкротство «...» (Маркс, К. Капитал. Т. 3, ч. 1. // Указ. соч.— Т. 25, ч. 1.— С. 116).

^[32] Как отмечает основатель компании Grid Dynamics (Кремниевая долина, US) Виктория Лившиц, в США «... есть статистика, что из десяти хороших инициатив одна станет очень

успешной. Две выживут, а семь разорятся. «...» Причем десять проектов не просто так с улицы пришли, они были лучшими из лучших» (Цит. по: Билевская, Э. Кремль оценит риски // НГ.— 11.08.10.— С. 3).

^[33] Другой вопрос, что эти же финансовые инструменты, «проникнув» в другие сферы, стали «спусковым крючком» последнего финансово-экономического кризиса.

^[34] Этот тезис подтверждают предприниматели («... Губернатор дает номер своего мобильного телефона инвесторам. Эта мера «...» наилучшим способом улучшает инвестиционный климат. «...» Все понимают, что есть прямая связь с главой региона, и эта мера ценнее, чем многочисленные толстые программы по улучшению инвестиционного климата». — Из выступления вице-президента «Деловой России» А. Галушко на бизнес-форуме предприятий реального сектора «Модернизация» 14.09.10. Цит. по: Калмацкий, М. Не тот климат // Новые известия.— 15.09.10.— С. 3).

Этот факт отмечают и высшие представители экономических властей:

«До сих пор специфичность взгляда бизнеса на конкуренцию была такой: в выигрыше оказывается тот, кто имеет наиболее короткий доступ к чиновнику, который олицетворяет государство — по сути, конкуренция здесь идет не за потребителя, а за доступ к чиновнику» (Тезисы выступления министра Э. С. Набиуллиной на конференции «Конкуренция в России: как создать благоприятный климат для развития бизнеса». — Москва, 26 ноября 2010 г.).

«У нас есть одни частные предприятия, которые ближе к Правительству и государству, чем другие частные предприятия. Т. е. пользуются административной поддержкой. Слияния, поглощения, доступ к ресурсам, часто решаются в кабинетах чиновников» (из выступления заместителя Председателя Правительства РФ, министра финансов А. Л. Кудрина на VIII Красноярском экономическом форуме 18.02.2011 г.).

«Издержки для бизнеса могут колебаться — ты можешь заплатить больше или меньше в зависимости от степени «расположения» к тебе определенных людей внутри государственного механизма. Рациональное поведение для предпринимателя в этом случае — не соблюдать закон, а найти покровителей, договориться. Но такой «договорившийся» бизнес в свою очередь будет пытаться подавлять конкурентов, расчищать себе место на рынке, используя возможности аффилированных чиновников ... вместо того, чтобы повышать экономическую эффективность своих предприятий (Путин, В. Нам нужна новая экономика // Ведомости.— 30.01.12.).

^[35] Аналогичная ситуация сложилась на значительной части постсоветского пространства (см.: Киндзерский, Ю. Деформация института собственности в Украине и проблемы формирования эффективного собственника в неэффективном государстве // Вопросы экономики.— 2010.— № 7).

^[36] Розанов, В. В. Уединенное.— М., 1990.— С. 37.

^[37] Работа проводилась на основе материалов внутреннего гранта ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова» «Разработка оригинальной методики рейтингования субъектов РФ» (№ 160 от 24.04.2012 г.) и опубликована в журнале «Федерализм» (2012. № 4).